
ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

АПРѢЛЬ.

1869.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРИСНОПАМЯТНЫХЪ СТАРЦАХЪ: ІЕРО- МОНАХЪ СЕРАФИМЪ САРОВСКОМЪ, ІЕРОМОНАХЪ АНИКИТѢ (КНЯЗѢ ШИРИНСКОМЪ ШИХМАТОВѢ) и ДРУГИХЪ.

(Посвящается о. архимандриту Герману).

Въ недавнее время досталось мнѣ прочесть одну довольно объемистую рукопись, нѣчто въ родѣ дневника или памятныхъ записокъ, содержащую въ себѣ довольно подробное описаніе путешествій по св. мѣстамъ Россіи, Аѳона, Синаи и Палестины, совершенныхъ съ 1832 по 1836 годъ Глинской Богородицкой пустыни послушникомъ Алексіемъ Митрофановымъ, въ послѣдствіи священно-архимандритомъ и возобновителемъ Святогорской Успенской пустыни Арсеніемъ. Записки о. Арсенія, одного изъ учениковъ приснопамятнаго старца Филарета, игумена Глинскаго, и въ послѣдствіи ревностнаго блюстителя иноческаго благочинія въ возобновленной имъ обители Святогорской, собственно о св. мѣстахъ не сообщаютъ ничего новаго, доселѣ неизвѣстнаго, и никакъ не могутъ равняться съ повѣствованіями о нихъ Муравлева, Норова, Святогорца и другихъ нашихъ поклонниковъ - богомольцевъ, подѣлившихся путевыми впечатлѣніями своими съ соотечественниками; но интересъ этихъ записокъ составляютъ свѣдѣнія и замѣтки о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія первой половины текущаго столѣтія, видѣть и бесѣдовать съ которыми довелось автору ихъ во время своихъ странствій; все это довольно подробно занесено имъ въ путевой дневникъ, и составляетъ его достопримѣчательность. Имена блаженныхъ старцевъ: Серафима, Аникиты, Филарета, извѣстны благочестивымъ людямъ, какъ имена людей не отъ міра сего и великихъ подвижниковъ благочестія, изъ которыхъ нѣкоторые и послѣ кончины своей

сильны предстательствомъ своимъ предъ Богомъ о поминующихъ ихъ усердно. Это даетъ мнѣ чаяніе, что быть можетъ неизданнымъ будетъ сообщеніе свѣдѣній о нихъ современника ихъ и очевидца, хотя краткихъ и отрывочныхъ, но тѣмъ не менѣе, какъ кажется мнѣ, еще незанесенныхъ въ изданныя ихъ біографіи. Руководствуясь этимъ предположеніемъ, съ согласія одолжившихъ мнѣ рукопись, позволяю себѣ сдѣлать изъ ней извлеченія болѣе замѣчательныхъ мѣстъ.

Въ началѣ своего дневника о. Арсеній сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о самомъ себѣ. Уроженецъ г. Ливенъ Орловской губерніи, происходилъ онъ отъ зажиточнаго купеческаго дома Митрофановыхъ; занимался и самъ въ молодости своей довольно значительными торговыми оборотами. Влеченіе къ иноческой жизни почувствовалъ съ 16-ти-лѣтняго своего возраста, но его удерживали въ мірѣ долгое время семейныя обстоятельства; ибо по смерти своего отца состоялъ онъ единственною опорою вдовы-матери и малолѣтнихъ ея сиротъ: брата, горячо имъ любимаго, и двухъ сестеръ. Только на 27-мъ году своей жизни, онъ сдѣлалъ первую попытку сбросить съ себя удерживавшія его семейныя обязанности и всецѣло посвятить свои силы исканію „единого на потребу“. Но эта первая попытка не совсѣмъ удалась, ибо по настоятельнымъ требованіямъ матери долженъ былъ вскорѣ возвратиться подъ родной кровъ и даже вновь принять участіе въ торговыхъ занятіяхъ своей семьи. Подъ предлогомъ побѣдки по торговымъ надобностямъ на Макарьевскую Нижегородскую ярмарку, распростился онъ съ матерью въ іюлѣ 1832 года, и отправился въ первое свое странствіе по св. мѣстамъ русскимъ; сердце его стремилось преимущественно къ Соловецкому монастырю, гдѣ предполагалъ остаться для подвиговъ иноческихъ. Но пути не преминулъ юноша-богомолецъ завернуть въ Саровскую пустынь, гдѣ ярко горѣлъ въ то время великій свѣтильникъ христіанскаго подвижничества, блаженный старецъ Серафимъ; молва о благодатныхъ дарахъ его далеко разносилась по лицу земли русской. Митрофановъ трижды былъ у великаго старца, и описалъ слѣдующимъ образомъ эти приснопамятныя для него посѣщенія: „Въ первый разъ пошелъ я къ старцу Серафиму съ мыслью и намѣреніемъ—получить отъ него наставленіе и душеполезный совѣтъ въ моемъ настоящемъ положеніи, неказанно смущавшемъ меня своею неопредѣленностью. Съ одной стороны давній обѣтъ и влеченіе сердца твердили мнѣ, отложивъ все мір-

ское, житейское, идти по пути иноческаго житія; съ другой—любовь къ родительницѣ и брату внушали тревожную мысль, что я имъ еще необходимъ. Съ такими чувствами переступилъ я порогъ келліи старца и нашелъ его въ сѣняхъ лежащимъ на полу, одѣтаго въ нагольномъ овчинномъ тулупѣ и держащаго въ рукахъ пшеничный калачъ, съ видомъ, какъ бы его вкушаетъ. Вспомнивъ рассказы испытавшихъ на себѣ прозорливость старца, что нерѣдко отвѣчаетъ онъ даже на мысленныя вопрошенія, я, поклонившись, стоялъ предъ нимъ молча, и мысленно просилъ, по данной ему благодати, разрѣшить мнѣ недоумѣнія мои къ пользѣ душевной: идти ли мнѣ въ Соловки и тамъ остаться, или же возвратиться домой. Старецъ приподнялся, и взглянувъ на меня пристально, махнулъ рукою говоря: „иди, иди, а потомъ назадъ неволею“. Когда же подошелъ я къ нему ближе, то онъ ласково меня благословилъ, и положивъ преподобныя свои руки на мою голову крестъ на крестъ, приказалъ читать за нимъ молитву исповѣдную. Потомъ далъ двѣ горсти бѣлыхъ сухарей и напоилъ изъ большаго штофа св. водою, и отпустилъ меня. Вышеприведенныя слова его понялъ я не иначе какъ отвѣтъ на мысленное мое вопрошеніе, истолковавъ ихъ себѣ въ томъ смыслѣ, что пора идти мнѣ на подвигъ духовный по волѣ, что же случится со мной по неволѣ, то въ волѣ Божіей. На другой день отправился я послѣ обѣда въ пустыньку старца за 4 версты отъ обители, и повстрѣчалъ его на дорогѣ къ ней, лежащимъ подъ большимъ пнемъ, покрытаго сучьями древесными и какъ будто спящаго. Одѣтъ былъ старецъ на этотъ разъ въ коротенькой шубкѣ, подпоясанъ веревочкой, у которой висѣла холщевая сумка съ хлѣбомъ: видъ подвижника напоминалъ собою монастырскаго служку или пастуха, и это смиреніе несказанно тронуло мое сердце, оставивъ въ немъ впечатлѣніе навсегда. По сотвореніи отъ меня молитвы, старецъ поднялся, благословилъ меня, поцѣловалъ въ уста и въ руку, чѣмъ привелъ въ великое удивленіе и ужасъ, ибо не зналъ я до этого, что у старца было такое обыкновеніе. Теперь осмѣлился я уже устно передать ему свои обстоятельства, прося его совѣта касательно желанія моего спастись въ Соловецкомъ монастырѣ, какъ мѣстѣ, гдѣ удобно можно скрыться отъ поисковъ родительницы. Благословивъ мое желаніе спастись, присоветовалъ онъ, что въ свое время приведетъ его Господь въ исполненіе, и потомъ сказалъ нѣсколько душеполезныхъ словъ о любви къ Богу и ближнимъ, тѣмъ бо-

лѣе къ родителямъ. На третій день опять отправился я въ пустыньку старца, и нашелъ его у берега протекающаго тамъ ручья; онъ собиралъ камушки и носилъ ихъ къ колодцу невдалекѣ. Тутъ онъ много поучалъ меня недостойнаго изъ Апостола и Евангелія на пользу грѣшной моей душѣ, далъ напутственное благословеніе, отъ меня же соблаговолилъ принять старинный серебряный рубль, сказавъ: „Это отдамъ я сиротамъ моимъ, живущимъ не вдалекѣ, въ женскую общину“. Потомъ примолвилъ: „Смотри, да не явишися предъ Господомъ Твоимъ тощъ, и чтобы огарковъ не было, а когда пойдешь въ монастырь, не говори: то не такъ, другое не такъ, а говори себѣ — а я-то какъ, и не осуждай, симъ спасешися“. Изъ Саровской пустыни Митрофановъ отправился въ Нижній-Новгородъ, но не долго тамъ пробылъ, ибо шумъ и суета ярмарочныя неблагоотворно повліяли на душевное его состояніе, приманками мірскихъ удовольствій отвлекая его отъ помышлений душеспасительныхъ. Опасаясь крушенія неопытнаго и неискусившагося еще въ браняхъ духовныхъ своего духа, поспѣшилъ онъ оставить Нижній и отправился въ Москву, и отсюда, поклонившись московскимъ святынямъ, пѣшій пошелъ въ Троице-Сергіеву Лавру; но узнавъ здѣсь, что путешествіе позднею осенью на Соловецкій островъ далеко небезопасно, принужденъ былъ туда поспѣшать и промѣнять пѣшій путь на конный. Дорогой онъ поклонялся святынямъ Переяславля Залѣскаго, Ростова, Ярославля, Вологды и Кириллова, и наконецъ въ сентябрѣ того же 1832 года прибылъ въ обитель Соловецкую, гдѣ и прожилъ до апрѣля 1833 года, занимаясь послушаніями наравнѣ съ прочею братією и находясь подъ старческимъ надзоромъ іеромонаха Іосифа, извѣстнаго въ обители своею подвижническою жизнью, съ которымъ и въ послѣдствіи состоялъ въ постоянной откровенной перепискѣ. Здѣсь-то положены Митрофановымъ первыя начала иноческаго жительства. Митрофановъ не прочь былъ навсегда остаться въ Соловкахъ, гдѣ братія и самый настоятель, архимандритъ Досіѣей, были къ нему хорошо расположены; особенно трогали его отеческія попеченія о немъ старца его о. Іосифа; но дальнѣйшее пребываніе его въ обители было совершенно невозможно, и по прореченію старца Серафима, неволею долженъ онъ былъ возвратиться оттуда домой, ибо срокъ годоваго паспорта взятаго имъ изъ дому истекалъ, мать же не соглашалась выслать ему новый, требуя его возвращенія и угрожая въ противномъ случаѣ вытребовать его по пере-

сылкѣ. Съ болѣзненною душею и сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ юноша св. обитель и своего старца; на обратномъ пути онъ испыталъ сильную опасность отъ льдинъ Бѣлаго моря, чуть не затершихъ баркасъ, на которомъ онъ находился,—дома же встрѣтилъ скорби и огорченія отъ матери и прочихъ родныхъ, за желаніе посвятить себя подвигамъ иноческимъ. Снявъ съ себя послушническую одежду и облекшись опять въ мірское платье, онъ принужденъ былъ вновь принять участіе въ торговлѣ, и даже вторично посѣтить съ братомъ Москву, чтобы представить его своимъ прежнимъ довѣрителямъ купцамъ и взять у нихъ новый товаръ; онъ надѣялся, что съ передачею торговли на имя брата, освободится отъ куплей житейскихъ. Но вышло опять не по желаніямъ его, ибо взятый на братнее имя товаръ, по требованію матери, пришлось продавать ему самому, на что потребовалось времени болѣе года. Наконецъ, соскучивъ неопредѣленностью своего положенія, рѣшилъ Митрофановъ, не зирая ни на что, навсегда разстаться съ семействомъ и міромъ. Бросивъ все, отправился онъ въ Глинскую пустынь, славившуюся въ то время духовною опытностью своего настоятеля игумена Филарета, знавшаго его еще прежде, и объявилъ ему непремѣнное свое желаніе поступить въ иночество, сказавъ, что лучше готовъ умереть, чѣмъ возвратиться къ роднымъ. Не мало смущали новоприбывшаго нѣкоторые изъ иноковъ Глинскихъ, представляя ему на видъ скудость ихъ обители, нуждающейся нерѣдко въ хлѣбѣ насущномъ, а равно и немалые труды въ ней тѣлесные, которые непривычному покажутся неудобноносимыми. Но изобилуя здоровьемъ и крѣпостью силъ, не убоаясь онъ этихъ предостереженій, предпочитая пользу душевную удобствамъ и покою, и ревностно проходилъ всѣ послушанія ему назначаемыя, чѣмъ вскорѣ привлекъ къ себѣ расположеніе старшей братіи и самого настоятеля старца Филарета, отличавшаго его своимъ довѣріемъ. Пребывая въ послушаніи иноческомъ, не забывалъ Митрофановъ и другаго своего обѣта—побывать во св. градѣ Іерусалимѣ и поклониться живопріимному Господню гробу, и спѣшилъ его исполнить до окончательнаго узаконеннаго водворенія своего въ обители Глинской. До него дошелъ слухъ, что въ Одессу отправляется для слѣдованія въ Св. землю именитый старецъ іеромонахъ Юрьевъ Новгородскаго монастыря о. Аникита (въ мірѣ князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ). Въ надеждѣ присоединиться къ его сообществу, Митрофановъ испросилъ

себѣ благословеніе игумена своего о. Филарета на путешествіе, но только до Кіева, опасаясь препятствій съ его стороны къ поѣздкѣ за границу; и выхлопотавъ у матери видъ и средства къ путешествію, поспѣшилъ въ Кіевъ, откуда въ сопутствіи Лавры Печерской іеромонаха Савватія вскорѣ прибылъ въ Одессу и представился о. Аникитѣ, прося его о принятіи себя въ небольшое сопровождавшее его иноческое общество. Это было въ сентябрѣ 1834 года. Принятый съ любовью и обласканный княземъ-инокомъ, Митрофановъ дожидался вмѣстѣ съ нимъ извѣстій изъ Константинополя, куда по случаю чумы въ то время не совсѣмъ безопасно было пускаться. О. Аникита получилъ въ это время формальное сообщеніе отъ нашего Константинопольскаго консула, что поѣздка туда опасна и почти невозможна, почему и рѣшилъ зимовать въ Одессѣ, предлагая то же и Митрофанову. Но этотъ послѣдній разсудилъ лучше возвратиться въ свою обитель, чтобы облегчить совѣсть свою чистосердечнымъ раскаяніемъ предъ игуменомъ Филаретомъ, что умышленно скрылъ отъ него намѣреніе свое ѣхать на Востокъ, неисполненіе чего приписывалъ своему непослушанію. Прозимовавъ въ Глинской пустыни, и испросивъ на сей разъ благословеніе своему пути старца Филарета, весною 1835 года вторично отправился Митрофановъ въ Одессу; но о. Аникиты уже тамъ не засталъ, ибо онъ былъ уже въ это время на св. горѣ Аѳонской, гдѣ временно проживалъ въ Пророко-Ильинскомъ скиту, куда и поспѣшилъ къ нему Митрофановъ. Путь свой къ Царьграду и св. Горѣ довольно подробно описываетъ онъ въ своихъ запискахъ. Опуская эти подробности, перехожу къ повѣствованіямъ, касающимся старца Аникиты. Небольшое духовное общество, сопутствовавшее ему въ путешествіяхъ по св. мѣстамъ Востока, состояло во время присоединенія къ нему Митрофанова изъ слѣдующихъ лицъ: старца Пророко-Ильинскаго скита схимонаха Феодора, познакомившагося съ о. Аникитою еще въ Одессѣ, куда пріѣзжалъ по дѣламъ скита; русскаго духовника іеросхимонаха Арсенія, бывшаго нѣкогда казначеемъ Валаамскаго монастыря и потомъ удалившагося на св. Гору, гдѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и славою опытнаго духовнаго наставника; ученика его схимонаха Николая и еще двухъ-трехъ русскихъ поклонниковъ изъ купеческаго званія. Принятый очень благосклонно о. Аникитою, Митрофановъ передалъ ему братскій поклонъ своего игумена Филарета и вручилъ ему пахальный артосъ, присланный ему на благословеніе этимъ

послѣднимъ. Съ видимою радостію на лицѣ принявъ о. Аникита этотъ знакъ братской любви Глинскаго подвижника и поцѣловавъ св. хлѣбъ, сказалъ: „Благодарю, благодарю о. Филарета за его любовь и память. Будучи съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургѣ, не одну ночь провели мы съ нимъ душеполезно въ духовныхъ бесѣдахъ“. Узнавъ, что о. Аникита намѣренъ скорѣй отправиться изъ св. Горы въ Солунь, поспѣшилъ Митрофановъ обойти обители Аѳонскія и поклониться ихъ святынямъ, прося старца осчастливить его и взять съ собою. Но о. Аникита на этотъ разъ отвѣтилъ ему уклончиво, сказавъ, что все зависитъ отъ схимонаха о. Ѳеодора, которому далъ онъ слово, ради соблюденія его безмолвія, не брать къ себѣ на корабль много спутниковъ. Митрофановъ обратился съ просьбами своимъ къ схимонаху Ѳеодору, но и тотъ, не обнадеживъ его, совѣтовалъ только—молиться и уповать на волю Божию. Не мало огорченный всѣмъ этимъ, пребывавъ онъ до времени у земляковъ своихъ келліотовъ Виссаріона и Варсонофія, строгихъ подвижниковъ и трудолюбцевъ, извѣстныхъ въ то время на Аѳонѣ подъ наименованіемъ Бѣлобережскихъ, какъ выходцевъ Бѣлобережской пустыни Орловской губерніи. Вскорѣ узнавъ, что о. Аникитою нанятъ уже корабль для плаванія въ Солунь а оттолѣ въ Палестину, поспѣшилъ Митрофановъ къ пристани русскаго Пантелеймонова монастыря, въ надеждѣ умилоствовать старцевъ, и упросить взять его съ собою, горя желаніемъ пользоваться духовными совѣтами и наставленіями о. Аникиты, особенно же іеросхимонаха Арсенія, съ которымъ, при всемъ стараніи, не удалось видѣться ему въ пребываніе свое на Аѳонѣ. „Съ скорбію сердца, говоритъ Митрофановъ, увидѣлъ я, приблизившись къ морскому берегу, что корабль уже отчалилъ, но остановился не вдалекѣ, поправляя какую-то неисправность, общество же духовныхъ особъ—о. Аникита, о. Ѳеодоръ и другіе, стояли на палубѣ. Я началъ имъ кланяться и слезно просить—взять меня съ собою. „Опоздалъ, опоздалъ братъ“, крикнулъ мнѣ о. Аникита, и велѣлъ двигаться кораблю. Я же все продолжалъ просить то о. Аникиту, то о. Ѳеодора, и наконецъ въ великой горести сказалъ: Простите, отцы святыя, вѣрно не угодно Господу Богу, чтобы былъ я въ дружинѣ вашей святой. Въ это время корабль двинулся и отошелъ саженой на 20-ть въ море; но о. Ѳеодоръ, подойдя къ о. Аникитѣ, началъ ему что-то говорить, послѣ чего приказали корабельнику остановиться, мнѣ же крикнули, чтобы къ нимъ поспѣшавъ,

потому что они согласны взять меня съ собою. Мигомъ собравъ свои вещи, поспѣшилъ я къ нимъ на небольшой лодкѣ, и взойди на корабль, поклонился въ ноги старцамъ, благодаря за ихъ ко мнѣ милость. При этомъ о. Аникита съ веселымъ видомъ сказалъ: „Счастливъ братъ Алексій, вѣрно Богу такъ угодно. Не смѣлъ я безъ согласія о. Θεодора тебя принять, а теперь самъ онъ меня упросилъ не оставить тебя въ скорби. Воли Божіа—быть тебѣ съ нами“. Я вторично поклонился старцамъ въ ноги, заплакавъ отъ радости; они же улыбались, видя мои слезы. И вспомнилось мнѣ при этомъ слово псаломское,—какъ живущій на высокихъ Господь воздвигаетъ отъ земли нища и отъ гноища возвышаетъ убога, и посаждаетъ его съ князи, съ князи людей своихъ. Слово это дерзнулъ я отнести къ своему недостоинству, ибо, бывъ прахъ и брѣніе, удостоился сидѣть и бесѣдовать съ князи людей Божіихъ—приснопамятными старцами-подвижниками. Особенно же душеполезно и утѣшительно было для меня знакомство съ іеросхимонахомъ Арсеніемъ, извѣстнымъ своею нестяжательностью и постническими подвигами; всякій за счастье считалъ получить отъ него наставленіе, я же сподобился во все время пути имѣть его старцемъ и наставникомъ убогой моей дуніи. Къ вечеру того дня, о. Аникита объявилъ намъ желаніе свое, чтобы всякій день на кораблѣ, или гдѣ случится намъ быть, отправляемы были всѣ суточные службы, кромѣ литургіи, какъ-то: утромъ полунощница, утренняя, и часы съ обѣдницею и акаѳистомъ Божіей Матери, который всѣ аѳонскіе иноки имѣютъ за правило читать ежедневно; а по вечеру—вечерня, повечеріе съ канонами иноческаго правила и молитвы на сонъ грядущимъ. На это предложеніе всѣ радостно согласились и благодарили о. Аникиту, а о. Θεодоръ даже земно ему поклонился. И такъ съ перваго же вечера началась у насъ на кораблѣ служба, вся по чину какъ бываетъ въ монастыряхъ; служили попеременно о. Аникита и о. Арсеній, мнѣ же благословили они послушаніе пѣть и читать, которое и проходилъ я во все время нашего пути, не разъ заслуживъ одобрительные отзывы и похвалу старцевъ. Въ Солунѣ пробыли мы 18 дней, ходили къ литургіи въ греческую церковь, прочую же службу отправляли въ келліи. 3 августа, въ день обрѣтенія мощей святителя и чудотворца Митрофана Воронежскаго, о. Аникита служилъ въ Греческой церкви литургію пославински, и заставилъ Грековъ съ благоговѣніемъ поклоняться и лобызать икону невѣдомаго имъ чудотворца, слу-

жилъ также и въ праздникъ Успенія Божіей Матери; наша же обязанность съ о. Арсеніемъ была пѣть и читать, и съ помощію Божіею не имѣли мы въ этомъ затрудненія, ибо старецъ мой о. Арсеній былъ очень свѣдущъ въ церковномъ уставѣ и всю службу Божію зналъ почти наизусть; мнѣ же недостойному приходилось провозглашать апостольское чтеніе среди церкви, наполненной иноземцами, которымъ видимо нравилось наше пѣніе. И еще однажды служилъ въ Солунѣ о. Аникита, въ присутствіи митрополита и на греческомъ языкѣ, на которомъ говорилъ и читалъ безпрепятственно, такъ что самихъ Грековъ поправлялъ въ чтеніи, чѣмъ приводилъ ихъ въ немалое удивленіе. Кліросы пѣли при этомъ служеніи одинъ по-гречески, а другой пославянски; на обоихъ также языкахъ провозглашались Апостолъ и св. Евангеліе; народа же было несмѣтное множество. Видя къ себѣ всеобщее уваженіе, о. Аникита не стѣсняясь приносилъ съ собою въ церковь образъ святителя Митрофана и полагалъ его на аналоѣ; предъ симъ образомъ Греки съ большою вѣрою молились и къ нему прикладывались, тогда какъ другихъ нашихъ русскихъ святыхъ не вѣдаютъ и не почитаютъ. Добродѣтели и достоинства нашего духовнаго начальника, о. Аникиты, возбуждали великое расположеніе къ нему Грековъ, прозавшихъ его на св. Горѣ и въ Солунѣ Россійскимъ Златоустомъ. Намъ же онъ былъ еще болѣе дорогъ, какъ любвеобильный отецъ и наставникъ во спасеніи, такъ что самые старцы, убѣжденные слѣдинами постническихъ подвиговъ, неотказывались принимать отъ него наставленія. Такъ однажды, пришли мы всѣмъ нашимъ обществомъ къ Солунскому митрополиту, чтобы принять его благословеніе. Когда узнали, что онъ отдыхаетъ, то старцы о. Феодоръ и о. Арсеній разсудили воротиться домой; но о. Аникита, желая насъ вразумить и показать, что значить въ духовномъ отношеніи благословеніе архипастыря, началъ совѣтовать ожидать, пока встанетъ Владыка. „Братіе, говорилъ онъ, вы можете меня въ этомъ непослушать, это въ вашей волѣ, но убойтесь слова псаломскаго: не восхотѣ благословенія и удалится отъ него“. Тогда старцы просили у него прощенія и съ охотою остались дожидаться выхода митрополита. Въ концѣ августа отправились мы изъ Солуны въ дальнѣйшее плаваніе въ Палестину, и въ 11 дней достигли Яффы, гдѣ пробыли 2 дня, обозрѣвая здѣшнія святыя мѣста, при чемъ на мѣстѣ, гдѣ по преданію воскресилъ св. апостолъ Петръ вдовицу Тавиѳеу, осмѣлился спросить я о. Аникиту: „Батю-

шка, что было прежде на этихъ мѣстахъ и что теперь видимъ! Отчего это такъ"? Взглянувъ на меня внимательно своими пронизательными глазами, старецъ сказалъ: „Точно, братъ, земля эта была нѣкогда кипящая медомъ и млекоу, нынѣ же сбывается на ней пророческое слово бывшаго ея царя св. Давида: „положилъ еси землю плодородную въ сланость, отъ злобы живущихъ на ней. Грѣхи людскіе довели, братъ любезный, до такого положенія сію страну“. 1-го сентября 1835 года былъ день воистину для всѣхъ насъ незабвенный; въ этотъ день переступили мы прагъ св. града Іерусалима, восходя въ него какъ-бы въ небо земное, ибо служить прообразомъ онаго града Іерусалима небеснаго, уготованнаго въ обитель веселія и радости душамъ святымъ. Съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ приблизились и мы къ живопріимному гробу Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, входя поочереды и поклонялся мѣсту тридневнаго покоя Спасителя нашего. Потомъ вошли на св. Голгоѳу, поклонялись страшному мѣсту распятія Господня и другимъ святымъ мѣстамъ; при семъ у старцевъ нашихъ текли обильныя слезы умиленія. Совершивъ первое свое поклоненіе св. мѣстамъ, приглашены мы были братіею св. Гроба къ трапезѣ, послѣ которой о. Аникита, бывшій во все это время въ великой радости духовной и какъ бы восторгъ, много назидалъ насъ, какъ должно намъ приготовляться къ достойному причащенію св. Христовыхъ Тѣлъ у самаго мѣста искупленія нашихъ душъ пострадавшимъ за насъ Спасителемъ нашимъ. Неоднократно останавливался онъ при этомъ, удерживаемый обильными слезами, текшими изъ его глазъ; и мы всѣ плакали глядя на него и внимая его словамъ. Говорилъ онъ также намъ: „братіе и отцы, Богъ насъ сподобилъ великой милости, прежде прочихъ прибывшихъ сюда, поклониться святому Гробу Господа нашего; чѣмъ намъ за это великое Его благодѣяніе возблагодарить Господа, такъ не тѣмъ, чтобы быть для всѣхъ и первымъ примѣромъ въ подвигахъ духовныхъ и въ поведеніи"? Отведены намъ были патріархіею келліи въ Михайловскомъ монастырѣ, при чемъ по благосклонности къ о. Аникитѣ митрополита-намѣстника, дали ему тамъ даже особый придѣлъ въ церкви, для совершенія богослуженія пославянски; въ служащихъ же и пѣвчихъ недостатка у насъ не было, и такимъ образомъ во все пребываніе наше во св. градѣ, служба наша совершалась неупустительно, къ великому утѣшенію для непонимавшихъ греческаго языка русскихъ поклонниковъ. Совершалъ также нерѣдко о.

Аникита божественную литургію у св. гроба, на св. Голгоѣ, и въ другихъ придѣлахъ храма Воскресенія Христова, болѣе же любилъ служить въ небольшомъ придѣлѣ Страстей Господнихъ, что въ пещерѣ подъ св. Голговою, именуемой темницею Христовою; придѣлъ этотъ необширный и уединенный, для семьи нашей былъ вполне помѣстителенъ и очень удобенъ для безмолвной молитвы нашихъ старцевъ, не мало тяготившихся многолюдствомъ. Иногда же о. Аникита, съ благословенія митрополита, отправлялся со всѣмъ своимъ обществомъ въ Геосиманію ко гробу Богоматери, гдѣ служилъ всенощныя и литургіи. Были также горестныя приключенія съ о. Аникитою въ св. землѣ. Такъ однажды возвращаясь со всѣми нами изъ Крестнаго монастыря, что въ окрестностяхъ Іерусалима, о. Аникита по слабости силъ и здоровья принужденъ былъ ѣхать верхомъ на лошади; лошадь вдругъ чего-то испугавшись, сбросила его на камни; старецъ больно ушибся, и удивилъ насъ необыкновеннымъ своимъ терпѣніемъ, ибо, поднявшись съ нашею помощію, весь въ крови, не стоналъ и не жаловался, а только сказалъ: „Мало мнѣ грѣшному этого наказанія за грѣхи; вижу, что врагъ-дьяволъ хочетъ мнѣ поругаться малодушіемъ, но за помощію Божіею не успѣетъ.“ Въ другой разъ, шествуя изъ Горней, отечества св. Іоанна Предтечи, вздумалъ о. Аникита искупаться въ Соломоновыхъ прудахъ, и намъ предложилъ тоже. День былъ ясный и знойный; мы всѣ съ радостію согласились на его предложеніе. Намъ извѣстно было, что доктора совѣтовали ему какъ можно чаще купаться для укрѣпленія силъ. Раздѣвшись пошелъ онъ съ ученикомъ своимъ въ воду, мы же еще медлили. Вдругъ слышимъ крики ученика, смотримъ—о Аникита потопаетъ, стремясь по теченію воды; за нимъ слѣдовалъ и его ученикъ, за котораго успѣлъ онъ схватиться. Бывшій съ нами Рыльскій купецъ Мотылевъ бросился на помощь къ утопавшимъ и милосердіемъ Господнимъ вытаскилъ ихъ на берегъ. О. Аникита былъ нѣкоторое время безъ чувствъ, но потомъ очнулся и вздохнувъ глубоко, сказалъ своему ученику: „Ну, братъ Никита, дожили мы было съ тобою своей вѣкъ, но Господь не пустилъ врагу поругаться мнѣ до конца и свести въ вѣчность напрасною смертію. Слава Богу, что живы еще! благодарю и васъ, братіе, что поспѣшили подать руку помощи намъ погибающимъ“. Отъ этого случая, по возвращеніи въ Іерусалимъ, о. Аникита занемогъ, и уже никуда изъ св. града не ходилъ кромѣ гроба Господ-

ня и Геосиманіи.“—Между тѣмъ Митрофановъ, соскучивъ тѣсною и многочисленностію своего Іерусалимскаго подворья, испросилъ себѣ благословеніе о. Аникиты провести весь Рождественскій постъ въ лаврѣ св. Саввы освященнаго, а послѣ праздника Рождества Христова отправился одинъ на Синайскую гору, а отсюда вернулся въ Іерусалимъ уже великимъ постомъ 1836 г. Самое торжество Пасхи въ Іерусалимѣ, всѣмъ столь извѣстное, не представляетъ въ описаніи его ничего особеннаго, почему все это опускаю, извлекая изъ рукописи лишь рассказы и свѣдѣнія о старцѣ о. Аникитѣ, которые опять начинаются по возвращеніи повѣтствователя изъ поѣздки на Синай. „Во время праздника Пасхи, говоритъ онъ, случилось съ о. Аникитою вновь неожиданное происшествіе, очень насъ всѣхъ огорчившее, старца же нашего приведшее въ какую-то непонятную намъ радость и довольство. Въ первый пресвѣтлый день Воскресенія Христова, отслуживъ самъ заутреню и раннюю литургію въ храмъ Михайловскаго монастыря, къ поздней обѣднѣ пошелъ старецъ нашъ со всѣмъ своимъ братствомъ въ соборный храмъ Воскресенія, а послѣ обѣдни отправился для принесенія поздравленій къ намѣстнику патріархіи іерусалимской, митрополиту Мисаилу. Въ это время сторожъ патріаршаго дома, бывши въ нетрезвомъ видѣ и не разсмотрѣвъ въ лицо о. Аникиту, нанесъ ему сильный ударъ по правой щекѣ, такъ что старецъ едва устоялъ на ногахъ и носомъ полилась у него кровь. На сей жестокой ударъ смиренный подвижникъ отвѣтилъ лишь кроткимъ вопросомъ: „за что ты, братъ, меня бьешь?“—и сейчасъ же воротился домой. Митрополитъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, тотчасъ велѣлъ взять виновнаго подъ стражу отца же Аникиту съ великими извиненіями просилъ пожаловать къ себѣ въ келлію. Ни мало не медля, съ веселымъ лицомъ и радостной улыбкой является нашъ старецъ на зовъ владыки, привѣтствуетъ его съ великимъ праздникомъ, на всѣ вопросы о случившемся отвѣчая увѣреніями, что ничего подобнаго не бывало, и что простой толчокъ сторожа, не различившаго его въ толпѣ, не стоитъ того, чтобы обращать на него вниманіе. О. Аникита имѣлъ христіанское намѣреніе—избавить виновнаго отъ заслуженнаго наказанія; но митрополитъ, освѣдомясь отъ достовѣрныхъ свидѣтелей объ этомъ происшествіи, по возвращеніи старца домой, прислалъ къ нему виновнаго сторожа съ своимъ викаріемъ архіереемъ и двумя караульными, прося о. Аникиту самому назначить ему наказаніе за обиду. Но

подвижникъ Божій, исполняя евангельскую заповѣдь не-злѣбїа и прощенїа враговъ, какъ милости и величайшаго себѣ одолженїа просилъ у преосвященнаго митрополита, чтобы оставили этого человѣка безъ всякаго наказанїа и отпустили на свободу. Таковы были кротость и незлѣбіе сего истиннаго инока, умѣвшаго не только принимать почести, подобающїя знатному его происхожденїю и заслугамъ, но и сносить величайшія оскорбленїа, не-сносимыя самыми худородными. На Ѳоминой недѣлѣ окончился срокъ пребыванїа нашего въ Іерусалимъ, и о. Аникита со всѣми своими спутниками отправился обратно въ Яффу, гдѣ совершенно для себя неожиданно получилъ отъ нашего консула указъ Святѣйшаго Синода о назначенїи его въ миссію нашу въ Аѳины. Это назначенїе очень встревожило старца, въпервыхъ потому, что онъ расположился было ѣхать на св. гору Аѳонскую для безмолвїа, въвторыхъ потому, что слабое его здоровье не позволяло ему ревностно исполнять поручаемую ему должность. Однако, какъ-бы предчувствуя, что не долго проживетъ въ Аѳинахъ, рѣшился ѣхать туда ради послушанїа иноческаго, но съ тѣмъ, чтобы прежде исполнить свое желанїе вторично побывать на св. горѣ и сорокъ дней, по обѣщанїю своему, литургисать въ русскомъ Пантелеймоновомъ монастырѣ въ храмѣ во имя святаго Митрофана Воронежскаго. Начато было на его счетъ сооруженїе этого храма до отъѣзда его въ Іерусалимъ, но предъ отъѣздомъ онъ вручилъ игумену того монастыря 1000 р. сер. вкладу на окончанїе сооруженїа. Получивъ синодскій указъ, о. Аникита призвалъ къ себѣ старцевъ — іеросхимонаха о. Арсенїа, схимонаха о. Ѳеодора и нѣкоторыхъ изъ насъ близкихъ къ себѣ, и сталъ говорить: „Прошу васъ, отцы и братїе, дайте совѣтъ, что мнѣ теперь дѣлать. Вотъ указъ, отъ исполненїа котораго не могу я отказать, ибо совѣсть не дозволяетъ“. Мы всѣ единогласно ему отвѣтили, что какъ ему угодно, такъ пусть и поступаетъ. Тогда онъ опять сказалъ: „Боюсь, братїе, оказать преслушанїе начальству, ибо я монахъ; если сдѣлаюсь послушникомъ, то и прочимъ буду на соблазнъ. Господь же говоритъ: горе творящимъ соблазны. Вѣрно такъ Богу угодно, вѣрно мнѣ держаться и во градѣ, яко въ пустыни, ибо не охотникъ водить я компанїй. Итакъ: буди воля Божїа!“ Послѣ этого тотчасъ пошелъ въ церковь, бывшую не вдалекѣ отъ консульскаго дома, и съ великимъ усердїемъ отслужилъ молебенъ Божїей Матери съ акаѳистомъ, который читалъ наизусть со многими слезами; по-

слѣ чего замѣтно успокоился и повеселѣлъ. На другой день отправились мы моремъ на Аѳонскую гору, но сильно потерпѣли отъ бури, принесшей насъ къ острову Кипру, гдѣ о. Аникита съ честью былъ принятъ нашимъ консуломъ. Въ городѣ Ларнакѣ, гдѣ мы пристали, епископствовалъ нѣкогда св. правед. Лазарь другъ Христовъ, и тамъ же скончался; гробъ его находится въ алтарѣ соборной церкви въ небольшой пещерѣ. Но что здѣсь случилось со старцемъ нашимъ о. Аникитою, о томъ даже вспомнить ужасно. Упрощенный нашимъ консуломъ служить въ этой церкви на славянскомъ нарѣчїи, онъ едва жизни въ ней не лишился. Введенный съ честію въ церковь мѣстными священниками и діаконами, въ сопровожденіи консула и его свиты, приложился о. Аникита къ мѣстнымъ иконамъ и направился къ алтарю южными его дверями. Не зная мѣстности и взойдя со свѣта въ темноту, не замѣтилъ онъ, что надгробіе могилы Лазаревой снято, и смотря по направленію къ св. престолу съ желаніемъ къ нему приложиться, полетѣлъ внизъ головой по каменнымъ ступенямъ пещеры; мы же, идя за нимъ вслѣдъ и замѣтивъ, что старецъ вскрикнувъ, мгновенно скрылся отъ нашихъ взоровъ, въ свою очередь подняли крикъ и вопль, не надѣясь видѣть его болѣе въ живыхъ. Священники поспѣшили въ погребальную пещеру, и съ немалымъ трудомъ вынесли оттуда старца едва дышащаго, всего въ крови; ибо ударившись о камни головой, разсѣкъ онъ ее болѣе чѣмъ на вершокъ, ушибъ себѣ также сильно и грудь. Но прїйдя въ себя, чуть внятно шепталъ старецъ: „слава Богу! слава Богу! Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. Мало мнѣ грѣшнику и этого за мое окаянство“, и сими словами привелъ всѣхъ насъ въ немалое удивленіе,—ибо случай, отъ него не зависѣвшій, приписывалъ своей винѣ и своимъ грѣхамъ. Позванный консуломъ докторъ остановилъ ему кровотеченіе изъ головы, къ груди же поставилъ пиявки, послѣ чего бережно перенесли мы его въ одинъ ближній купеческій домъ, гдѣ старецъ пробылъ цѣлыхъ 8 дней, пока не собрался съ силами опять сѣсть на корабль. Въ это время сподобилъ меня Господь ближе познать великаго сего подвижника, ибо и се время пребывалъ при немъ неотступно, и въ городѣ и на кораблѣ до самой св. горы, прислуживая ему въ болѣзни. Много говорилъ онъ мнѣ тогда про начало иноческаго своего подвига: какъ презрѣлъ знатность рода княжескаго и почести, проходя послушанія въ Юрьевѣ Новгородскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ знаменитаго старца архимандрита Фотія, и какъ Фотій

съ нимъ поступалъ во время осмыслѣннаго его искуса. „Вотъ, братъ Алексій, сказалъ онъ мнѣ однажды вечеромъ, никто у меня столько слезъ не досталъ, какъ старецъ мой архимандритъ Фотій. Спаси его Господи: всю барскую мою спѣсь онъ изъ меня выжалъ. О, много пролилъ я за нее слезъ, а теперь вотъ почитаю его и благодарю“. Говорилъ онъ также много хорошаго и о настоятелѣ моемъ игуменѣ Филаретѣ, похваляя его духовныя качества, узнать которыхъ досталось ему во время пребыванія Филарета въ Петербургѣ. О. Аникита совѣтовалъ мнѣ не искать другаго себѣ наставника и вождя во спасеніе. Чрезъ двадцать дней бѣдственнаго плаванія нашего, достигли мы наконецъ до св. горы Аѳонской, и пристали къ пристани русскаго Пантелеймонова монастыря, гдѣ думали обрѣсти покой и утѣшеніе послѣ трудовъ и скорбей путешествія нашего, но обрѣли опять одни лишь скорби. Игуменъ Руссика, вышедъ къ о. Аникитѣ, объявилъ ему, что безъ шестнадцати-дневнаго карантина на морѣ, не можетъ никого изъ насъ принять въ обитель, ибо получилъ таковое повелѣніе отъ Аѳонскаго протата. Старецъ нашъ, по незлобію своему, не понимая главной причины неожиданной задержки, смиренно кланяясь, просилъ игумена не задерживать его карантиномъ и дозволить сойти на берегъ, завѣрили именемъ Божиимъ, что всѣ находящіеся съ нимъ въ кораблѣ совершенно здоровы, и никоимъ образомъ не могутъ дать ему повода опасаться заразы. Въ это время одинъ изъ русскихъ поклонниковъ, бывшій въ Русикѣ, сообщилъ о. Аникитѣ горестное извѣстіе, что храмъ святителя Митрофана, на сооруженіе котораго далъ онъ игумену Руссика 1000 р. с. при отъѣздѣ своемъ въ Іерусалимъ, прося окончить и освятить его къ своему возвращенію, далеко еще не оконченъ и не освященъ, да и врядъ ли когда окончится, ибо Греки, испугавшись водворенія инока князя въ Русикѣ, чѣмъ, думали, отнимется у нихъ всякая власть въ обители, рѣшили остановить сооруженіе храма и возвратить о. Аникитѣ полученный отъ него вкладъ. Узнавъ все это, о. Аникита сильно огорчился, но скрылъ свое огорченіе и съ великимъ смиреніемъ, но и съ твердостью началъ говорить игумену и пришедшимъ съ нимъ старцамъ-Грекамъ: „Отцы святыя, вы должны бы были насъ принять, какъ своихъ, а между тѣмъ презираете какъ незнакомыхъ, какъ враговъ вашихъ. Прошу немедленно дать знать протату вашему, чтобы разрѣшили мнѣ быть не на морѣ, а на св. Горѣ, ибо наскучила мнѣ жизнь на кораблѣ, и притомъ она вредна моему здоровью, вамъ-же, ду-

маю, грѣшно меня немощнаго симъ отягощать.“ Старцы отправились обратно въ монастырь, и помядѣ тамъ немного, воротились и просили о. Аникиту сойти на берегъ. Тогда старецъ, возложивъ на себя эпитрахиль, со всѣмъ своимъ духовнымъ сообществомъ сошелъ съ корабля на св. Гору, и ни мало немедля началъ изустно читать акаѳистъ Божіей Матери, послѣ чего приказалъ приготовить ученику своему чай подъ тѣнью развѣсистаго дерева. Укрѣпившись пищею во славу Божію на земномъ жребіи Богоматери, всѣ мы окружили о. Аникиту, какъ дѣти своего отца, всячески стараясь, какъ могли, высказать ему свою преданность и свое къ нему уваженіе. Но старецъ былъ молчаливъ и сосредоточенъ: видно было, что послѣдняя скорбь сильно уязвила кроткое его сердце. Не желая однако вполнѣ высказывать свою грусть, просилъ онъ русскихъ поклонниковъ, отправлявшихся на родину, не забывать его въ молитвахъ, и прислать роднаго гостинца—бѣлыхъ грибовъ, до которыхъ былъ охотникъ. Не лишнимъ считаю при этомъ замѣтить, что о. Аникита, и безъ того строгій воздержникъ и постникъ, путешествуя въ Іерусалимъ оставилъ вкушать яйца, сыръ и молочное; во св. градѣ не вкушалъ и рыбы; на возвратномъ же оттуда пути отказался даже отъ масла. Вскорѣ старцы Руссика пригласили насъ всѣхъ къ себѣ въ обитель, приняли ласково и всѣхъ размѣстили по келліямъ. Тогда о. Аникита началъ спрашивать игумена о новоустроеномъ храмѣ святителя Митрофана. Тотъ отвѣчалъ ему, что по случаю препятствій и запрещеній отъ Аѳонскаго протата, не могъ выполнить свое касательно этого предмета общаніе, и предлагалъ о. Аникитѣ получить обратно свои деньги. На это старецъ съ великимъ огорченіемъ ему возразилъ: „Знаю, отецъ, причину, чего ради сомнѣваетесь исполнить свое слово; но вспомните, что сами же вы меня прежде объ этомъ просили, и я тогда же вамъ сказалъ, что жить мнѣ у васъ въ монастырѣ невозможно, нынѣ же тѣмъ болѣе, ибо имѣю послушаніе ѣхать въ Аѳины къ посольству для служенія Св. Церкви; мнѣ желательно только было прослужить 40 дней на новоустроенномъ у васъ престолѣ въ честь святителя Митрофана, и не ожидалъ и никакъ встрѣтить въ васъ малодушное желаніе воспрепятствовать мнѣ даже въ этомъ. Но прошу, хотя теперь исполнить свое слово“. Несмотря на это, игуменъ все отговаривался невозможностью нарушить заповѣдь протата; тогда о. Аникита собралъ старѣйшихъ старцевъ обители, и съ великимъ смиреніемъ отнесся ко

всему ихъ собору, говоря: „Послушайте, честнѣйшіе отцы: вы опасаетесь исполнить данное вами слово изъ опасенія что останусь у васъ жить? Но знайте, что еслибы сего пожелалъ, то и достигъ бы желаемого, ибо могъ бы просить о семъ своего государя и вашего патріарха, которые не преминули бы уважить мою просьбу. Но не желаю сего, и не хочу такъ поступить, ибо я монахъ; а вотъ что вамъ предлагаю, и прошу избрать: или отдѣляйте вскорѣ храмъ святителя Митрофана, или я, облекшись въ священническія ризы, со всѣмъ россійскимъ братствомъ, возьму на рамена свои икону святителя Христова, которую у васъ оставилъ, и отнесу ее въ Ильинскій скитъ. Тогда узнаете, какого гостя лишаетесь. Вы бы за счастье должны были считать, что угодникъ Божій благоволилъ остановиться въ вашемъ монастырѣ“. Сказавъ это, поклонился о. Аникита въ ноги игумену, говоря: „Простите отцы и братіе, болѣе говорить вамъ не буду.“ Тогда игумень и старцы, тронутые его убѣжденіями и великимъ смиреніемъ, взаимно кланялись ему земно, прося прощенія и общая въ 20 дней окончить и освятить храмъ, ибо иконостасъ его и все прочее нужное на освященіе было уже готово и сохранялось въ скрытомъ мѣстѣ.—На этомъ оканчиваются повѣствованія Митрофанова о приснопамятномъ о. Аникитѣ, ибо, пробывъ недолго на Аeonской горѣ, и то не при старцѣ, а у своего наставника іеросхимонаха Арсенія, частію же у прежде помянутыхъ келліотовъ бѣлобережскихъ—Виссаріона и Варсонофія, вскорѣ отправился онъ въ отечество, въ Глинскую свою пустынь, подъ отеческій кровъ игумена Филарета; старецъ сей принялъ его съ особенною любовію, и наставленіями своими, а нерѣдко и наказаніями, не мало способствовалъ духовному его преуспѣванію. 29 іюня 1839 года, отъ рукъ игумена Филарета сподобился Митрофановъ воспріять св. ангельскій образъ иночества, бывъ нареченъ въ мантии Арсеніемъ. Этимъ закончилъ онъ свою рукопись и свою въ ней автобіографію, къ сожалѣнію почти ничего не сообщая въ ней о старцѣ игуменѣ Филаретѣ, должно быть по той причинѣ, что писалъ рукопись еще при его жизни, почему и опасался, достойною похвалою оскорбить смиреніе своего настоятеля.

Для полноты и законченности свѣдѣній о самомъ о. Арсеніѣ, присовокупляю краткую замѣтку о дальнѣйшемъ иноческомъ и настоятельскомъ его поприщѣ: постриженный въ иночество въ 1839 году, онъ въ томъ же году

рукоположенъ былъ въ іеродіакона, а въ 1841 г. въ іеромонаха. Въ 1844 году, послѣ смерти игумена Филарета, вызванъ былъ съ 12-тью братіями Глинской пустыни на настоятельство въ возобновленной пустыни Святогорской, съ званіемъ ея игумена. Въ 1850 году произведенъ въ санъ архимандрита, и неусыпными заботами своими привелъ ввѣренную ему обитель въ цвѣтущее положеніе, какъ со стороны внѣшней—красотою зданій и хозяйственными заведеніями, такъ и со стороны внутренней, духовной—введеніемъ въ ней строгаго устава и всѣхъ чиноположеній Глинской пустыни. Въ 1859 году октября 12-го дня мирно отошелъ онъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ признательную память среди собранной имъ братіи.

А. Ковалевскій.
